

**ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ НОВГОРОДА XII—XV вв.
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Вопросы социально-политической истории Новгорода времени его государственной самостоятельности волновали не одно поколение дореволюционных русских историков. Своебразие политического строя Новгорода, история его государственных институтов изучались такими видными учеными, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, А. И. Никитский, В. И. Сергеевич, и многими другими.¹

Дореволюционная историография ввела в научный оборот основную массу письменных источников по истории Новгорода, накопила значительное количество ценных источниковедческих наблюдений, в ее недрах были созданы целостные концепции политической истории Новгорода XII—XV вв. (И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский). Однако все эти концепции представляют ныне лишь историографический интерес ввиду игнорирования их авторами классовой борьбы и преувеличения значения новгородской торговли, особенно внешней, в которой большинство дореволюционных историков видели своеобразный ключ к раскрытию тайн истории Новгородской республики.

Советские историки предприняли значительные усилия и достигли крупных успехов в изучении социально-политической истории Новгорода XII—XV вв. Эти успехи связаны с освоением марксистского учения об общественно-экономических формациях, где во главу угла ставится экономическое развитие общества в неразрывном единстве с классовой борьбой. Большое значение для изучения социально-политической истории Новгорода имели открытие новых источников, в первую очередь археологических, а также новые попытки источниковедческого анализа ранее известных письменных памятников.

В советской науке уже есть исследования, подводящие итоги изучения средневекового русского города,² однако специальной работы, посвященной рассмотрению взглядов советских историков на социально-политическую историю Новгородской республики не существует. Этот пробел мы и попытаемся восполнить в настоящей статье.

¹ Подробнее см. статьи А. Н. Цамутали и Л. А. Коши в настоящем сборнике.

² Хорошкевич А. Л. Основные итоги изучения городов XI—первой половины XVII в. — В кн.: Города феодальной России. М., 1966; Ширяина Д. А. Изучение русского феодального города в советской исторической науке 1917—начале 1930-х годов. — Истор. записки, 1970, т. 86; Советская историография Киевской Руси. Л., 1978; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980, с. 216—222.

Коль скоро за годы Советской власти вышло значительное количество монографий и статей, в которых исследуются самые разнообразные аспекты интересующей нас темы, то мы вынуждены из многих проблем социально-политической истории Новгорода, изучавшихся советскими историками, выбрать две, имеющие, на наш взгляд, первостепенное значение: 1) происхождение Новгородской республики; 2) социально-политический строй республиканского Новгорода.

Среди пионеров изучения новгородской истории в послевоенный период следует назвать выдающихся историков — Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского. В центре внимания этих учёных находились теоретические вопросы истории Руси первых веков ее существования (в том числе и история Новгородской республики), причем в их взглядах на социально-политический строй Новгорода можно заметить довольно много общего, что объясняется, видимо, следующими причинами: во-первых, оба историка признавали развитие производительных сил определяющим началом в историческом процессе (зачастую слишком прямолинейно трактуя воздействие экономики на политику); во-вторых, и Рожков, и Покровский рассматривали города на Руси как социально-экономические организмы, отличные и противостоящие русской феодальной деревне, и, наконец, в-третьих, и тот и другой упоминали от своего общего учителя В. О. Ключевского представление о внешней торговле как о главной функции Новгорода, определившей его экономику и политику.

Н. А. Рожков говорил о «явлениях особого типа», которые были в Новгороде и Пскове «признаками перехода к феодализму не обычного вида, а к муниципальному феодализму», причем «корень этого своеобразия» он видел «в хозяйстве области вольных городов XII и XIII веков». Рожков считал, что «важнее всего в хозяйстве — сильный рост внешней торговли», внутренняя же торговля была, по его мнению, очень слабой ввиду того что «хозяйство массы населения оставалось натуральным».³

Переходя к исследованию социального состава населения Новгородской республики, Н. А. Рожков выделяет «высший слой общества в Новгороде» — бояр,⁴ в которых он признает выходцев из местной знати, фигурирующих на страницах летописи X—XII вв. как «нарочитые, лучшие, вячшие мужи или огнищане». Местная знать «мало-помалу обращалась в бояр, участников в управлении городом по назначению князя, приобретала право на занятие высших государственных должностей». Рожков полагал, что бояре до XIII в. не были каким-то определенным экологическим классом, поскольку они, по мнению ученого, были не только землевладельцами, но и купцами.⁵

³ Рожков Н. А. Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. II. Игр., 1924, с. 288, 290, 292.

⁴ Там же, с. 296.

⁵ Там же, с. 298—299.

«С XIII века картина совершенно меняется и в политическом и в экономическом отношениях. Земельные богатства бояр, в силу сцепления неотвратимых условий, сильно возросли. Продукты, получаемые с этих обширных владений в виде натурального оброка, служили боярам для их домашнего обихода, а избытки их сбывались купцам. Этот сбыт давал возможность составлять денежный капитал, но для образования последнего послужили и другие источники, не менее обильные — именно доходы с занимаемых боярами должностей и особенно проценты с денежных сумм, ссуждаемых боярами купцам и другим лицам».⁶ По мнению Н. А. Рожкова, в XIII в. боярство окончательно оформилось как сословие, захватив политическую власть в городе: боярство получило исключительное право занятия высших государственных должностей, только оно имело право заседать в «правительственном совете». Такое усиление боярства исследователь считает «естественным последствием экономического господства боярства как класса: в качестве крупных землевладельцев бояре держали в своих руках живших на их земле смердов; как капиталисты-банкиры, они подчищали себе купцов».⁷

Среди свободного населения Новгородской республики, кроме бояр, Н. А. Рожков различает еще «житых людей», которые, как ему представляется, были богатыми купцами, а также «черных людей»; последний социальный слой включал в себя все остальное свободное население: ремесленников, мелких торговцев, своеzemцев.⁸

Анализируя государственный строй республиканского Новгорода, Н. А. Рожков приходит к выводу, что «главной политической силой, по крайней мере юридически, по закону или обычью», в нем было вече, которое «было собранием всех свободных граждан без различия сословий», «глав семей», иногда в нем участвовали и жители пригородов. Исследователь признает за вечем верховные права в управлении государством, которые «не подвергались сомнению и были основным положением новгородского и псковского государственного права». Следует отметить, что верховные права новгородское вече получает, по мнению Рожкова, в XIII в., в предшествующий же период можно говорить лишь «о двоевластии вече с князем».⁹

Кроме вече, в управлении республикой участвовал и «правительственный совет», представлявший собой сначала «совещательное учреждение при князе», с неопределенным составом и неясными функциями. С XIII в. совет «оказывается совершенно независимым от князя». Последний был только его председателем, а в случае отсутствия князя — владыка. В состав «правительственного совета», который становится постоянным с XIII в., вхо-

⁶ Там же, с. 299.

⁷ Там же, с. 300.

⁸ Там же, с. 300—301, 304.

⁹ Там же, с. 311, 315.

дили посадник, тысяцкий, сотские, кончанские старосты, позднее «в совете появились старые, т. е. отбывшие уже службу посадники и тысяцкие». Кроме того, «в особых и торжественных случаях в совет вводились еще бояре от концов».¹⁰

Именно в «правительственном совете» Н. А. Рожков видел орган политического господства боярства, из которого исключительно и состоял совет. Дело в том, что хотя юридически «на долю совета выпадала лишь совещательная роль» при вече, «по фактически вече подпадало весьма сильному влиянию правительственного совета», которому принадлежало «право предварительного рассмотрения важнейших государственных дел до вынесения на вечевую сходку».¹¹ Совету подчинялись «чисто исполнительные органы», посадник и тысяцкий.¹² Относительно ограничения власти князя в Новгороде Рожков высказал весьма важное замечание: «... ограничение княжеской власти произошло постепенно, главным образом путем прецедентов и отдельных уступок. Не одна какая-нибудь резкая катастрофа, а длинный ряд изменений и частных отступлений создал положение князя в более позднее время, во второй половине XIII и в XIV веке. Это положение характеризуется началом договора». Изучая договоры между Новгородом и князьями, исследователь отметил «неподвижность» содержащихся в них условий и объяснил эту «неподвижность» тем, что «власть князя вошла в рамки новгородского строя, приспособилась к нему, и дальше идти по пути приспособления было некуда».¹³

Согласно представлениям Н. А. Рожкова, в административном отношении город делился на пять концов, которые в свою очередь «делились на сотни, а сотни на улицы». Концы имели свои органы управления, «во главе конца стоял кончанский староста, выбиравшийся вечем непременно из бояр конца» и игравший в своем конце такую же роль, какую играл в городе посадник. Концы были не только самоуправляющимися административными единицами, но и управляющими. Ученый считал, что есть основания сближать деление Новгородской земли на пятину «с пятью новгородскими концами, ставить пятину в административно-судебную зависимость от кончанского управления».¹⁴

Н. А. Рожков впервые в историографии попытался рассмотреть политическую борьбу в Новгороде времени его самостоятельности. Историк обратил внимание на явление, хорошо известное по летописям XII—XIII вв., когда параллельно смене князей на новгородском столе обычно сменяются и посадники, причем «каждый раз, как на новгородском столе появляются сузdalские князья или их ставленники, и посадниками становятся члены определенного круга новгородских боярских фамилий, а когда садятся

на стол князья других линий Рюрикова дома, то и посадничество занимают члены иных фамилий».¹⁵ Объяснение такому явлению, по мнению Рожкова, может быть только одно: «Князья и посадники сменялись по той причине, что побеждала та или другая политическая партия».¹⁶

Политическую историю Новгорода XII—XV вв. исследователь рассматривает под углом зрения борьбы двух политических партий: демократической, которая опиралась на купцов и «черных людей» во главе с теми из бояр, «которые не превратились в крупных банкиров, остались при землевладении», а также аристократической, приверженцами которой являлись «бояре-банкиры». В борьбе партий «самым жгучим вопросом был вопрос о взаимных отношениях между вечем и князем», демократы были на первых порах против своеолия князей, а «аристократы» мирились «с своеолием князей сузdalской линии», которых они поддерживали.¹⁷

Н. А. Рожков, как и многие дореволюционные историки, считал, что богатые и бедные в Новгороде жили на разных берегах Волхова. Однако если большинство исследователей (И. Д. Беляев, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, М. Н. Покровский) населяли богатыми Софийскую сторону, а правый берег отдавали во владение «черных людей», то Рожков полагал, что оплотом аристократов была Торговая сторона, а на Софийской жили сторонники демократической партии.¹⁸

Искусственность построений Н. А. Рожкова относительно экономической основы могущества новгородских «бояр-банкиров», деления населения Новгорода на «демократическую» и «аристократическую» партии давно уже доказана в нашей науке И. М. Троцким, А. В. Арциховским, В. Л. Яниным путем тщательного анализа источников,¹⁹ а топографическое деление Новгорода по классовому признаку и подавно не выдерживает никакой критики, особенно благодаря находкам археологов, обнаруживших боярские усадьбы, равно как и усадьбы простолюдинов, в одних и тех же концах Новгорода, что прекрасно согласуется с данными летописи и актов.

При этом следует отметить в трудах Н. А. Рожкова ряд положительных моментов, имеющих немалое значение для дальнейшего изучения социально-политической истории Новгорода. Во-

¹⁵ Там же, с. 346. — Борьбой политических партий в Новгороде Н. А. Рожков начал заниматься в дореволюционный период, см.: Рожков Н. А. Политические партии в Великом Новгороде. — ЖМНП, 1901, № 4; статья перепечатана в кн.: Рожков Н. Исторические и социологические очерки, ч. II. М., 1906.

¹⁶ Рожков Н. А. Русская история..., с. 346.

¹⁷ Там же, с. 347.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики. — Изв. АН СССР, VII серия, Отд. общ. наук, 1932, № 5, с. 366—369; Арциховский А. В. К истории Новгорода. — Истор. записки, 1938, т. 2, с. 120—121; Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 5—7.

¹⁰ Там же, с. 316—317.

¹¹ Там же, с. 319.

¹² Там же, с. 331—332.

¹³ Там же, с. 325.

¹⁴ Там же, с. 332—333, 337.

первых, существенно, что Рожков одним из первых предпринял попытку, пусть неудачную, объяснить изменения в политическом строе Новгорода с точки зрения изменений в его экономике. Вторых, он выделил боярство как правящий социальный слой республики. В-третьих, Рожков указал на постепенность ограничения княжеской власти в Новгороде XII—XIII вв. В-четвертых, историк попытался связать смену князей на новгородском столе и смену посадников в XII—XIII вв. с борьбой политических группировок. Эта идея Рожкова в дальнейшем получила развитие в работах В. Л. Янина и других исследователей.

М. Н. Покровский в своем обобщающем труде «Русская история с древнейших времен» немало страниц посвятил социально-политической истории Новгорода. Подобно И. А. Рожкову в характеристике социально-политического строя Новгородской республики он исходил из признания торговли важнейшей экономической функцией Новгорода.

Как и И. А. Рожков, М. Н. Покровский признавал Новгородскую республику более высоким типом государственного образования по сравнению с Киевской Русью. Он видел интерес изучения новгородской истории в том, что по Новгороду можно судить, «чем стала бы Киевская Русь, если бы ее экономические ресурсы не были исчерпаны в XII веке».²⁰

В соответствии со своими представлениями о развитии хозяйства Новгорода, в первую очередь его торговли, М. Н. Покровский выделял в политической истории города три периода. Первый период — до XIII в. — историк считал временем господства «родовой знати» или «аристократии породы». Благодаря развитию торговли образуется, по мысли Покровского, «буржуазия торгового капитала», сосредотачивающая в своих руках значительные богатства, и вступает в борьбу за власть с феодальной знатью. В этой борьбе «буржуазия торгового капитала» использовала городские низы, недовольные господством феодальной знати. «Черные люди», — писал Покровский, — должны послужить лишь тараном, при помощи которого буржуазия торгового капитала сокрушала родовую знать». В результате ряда выступлений городских низов господство «аристократии породы» ликвидируется и на короткий период — часть XIII в. — в Новгороде к власти приходит демократия. Это, по Покровскому, второй период политической истории Новгорода. Однако «демократия торговцев и мелких самостоятельных производителей при грандиозном для своего времени развитии торгового капитализма может быть лишь переходной ступенью».²¹

«Последние два века новгородской истории» М. Н. Покровский рассматривает как время «социального господства имущих классов».²²

²⁰ Покровский М. Н. Избранные произведения в четырех книгах, кн. I. М., 1966, с. 185.

²¹ Там же, с. 195—197.

²² Там же, с. 200.

Как и И. А. Рожков, он видит орган политического господства правящей верхушки в так называемом «правительственном совете», «совете господ» или просто «господе», правда, в отличие от Рожкова, признававшего аристократический, замкнутый состав «совета», в котором заседало исключительно родовитое боярство, М. Н. Покровский считал, что в «совете» было представлено «все, что было побогаче в Новгороде, а новгородский совет и представлял именно богатство, а не „отечество“, как боярская дума московских царей».²³

Изучая политическое устройство Новгорода, М. Н. Покровский приходит к тем же выводам, что и И. А. Рожков относительно политической роли городских концов. Для него концы были не только «административными округами, на которые делился город», но «политическими единицами, и политическая жизнь Новгорода сосредоточивалась именно в них». «На общегородском вече каждый конец выступал как сплоченное целое — вече было совещанием не столько отдельных новгородцев, сколько пяти общин, союз которых и составлял „Великий Новгород“».²⁴

Как видим, построения И. А. Рожкова и М. Н. Покровского весьма близки к современным взглядам на роль городских концов в управлении Новгорода.

Если И. А. Рожков и М. Н. Покровский рассматривали конституирование республиканских порядков в Новгороде как длительный процесс ограничения княжеской власти и укрепления власти вече, выделяя в этом процессе в качестве важного рубежа XIII в., то Б. Д. Греков подошел к данной проблеме с совсем иных позиций.

Установление республики в Новгороде он исследовал в статье 1929 г. как «революцию», произшедшую в 1136 г. Считать события 1136 г. «революцией» Б. Д. Грекова побудили следующие обстоятельства. Во-первых, хотя ученый и признает «факт некоторой автономности Новгорода даже в те моменты, когда он принужден был считать над собой власть киевского князя неизбежной», все же Новгородская земля, «несмотря на некоторые свои индивидуальные преимущества», Грекову в XI—начале XII в. «представляется таким же княжеством, каких было тогда несколько на Руси». Во-вторых, он уверен, что «во второй половине XII века Новгород уже представляет собой республику». Остается выяснить, когда произошел переворот, ликвидировавший власть князей, киевских ставленников, и утвердивший верховную власть вече. Такой переворот Греков видит в восстании 1136 г., лишившем власти и изгнавшем из города князя Всеволода Мстиславича. В подтверждение своего вывода автор приводит сравнительный анализ двух княжеских актов: грамоты Мстислава Владимириевича Юрьеву монастырю, которую Греков датирует 1130 г., и гра-

²³ Там же, с. 200, 202.

²⁴ Там же, с. 201.

моты Изяслава Мстиславича Пантелеимонову монастырю, которую он относит к 1148 г.²⁵ Если в первой грамоте князь своей властью передает землю монастырю, то во второй князь наделяет монастырь землей, предварительно испросив на то разрешение «у Новгорода», т. е. у веча. Сопоставление двух актов убеждает исследователя в том, что именно в результате восстания 1136 г. князь был пизведен до положения одного из чиновников республики, не имевшего права владеть землей в Новгородской земле, а также принимать сколько-нибудь серьезные решения без санкции веча.

Общий вывод Б. Д. Грекова таков: «... во второй половине 30-х годов XII века Новгород пережил настоящую революцию, в результате которой появились новые формы политического строя, уцелевшие по крайней мере внешне до самого конца самостоятельности».²⁶

Среди причин, сделавших возможным установление республиканских порядков в Новгороде, Б. Д. Греков называет внешние обстоятельства, распад Киевского государства. Он отмечает, что «Новгород давно стремился к перестройке своих отношений к Киеву и встречал противодействие со стороны киевских князей... Но лишь только упала тяжелая рука Мономаха, умевшая поддерживать некоторый порядок в международных отношениях, для Новгорода открылись новые возможности. Эта смерть создала условия, при которых старые и новые стремления Новгорода могли рассчитывать на успех».²⁷

Что же касается внутренних причин, обусловивших переворот 1136 г., то их Б. Д. Греков специально не исследовал, ограничившись общим выводом об «относительно высоком состоянии в XI—XII веках киевской и новгородской культуры, как совокупности различных хозяйственных и общественных отношений»; по его мнению, «к XII веку в Новгороде созрели те хозяйственные и общественные предпосылки, которые могут вполне научно объяснить нам острые столкновения партий, в основе коих лежали классовые противоречия новгородского общества».²⁸

Мы не можем согласиться с Д. А. Шириной, которой процитированный вывод Б. Д. Грекова дал повод отнести его статью паряду с другими к работам, для которых «было характерным стремление связать политические события с изменениями в экономике (которые в свою очередь влияли на развитие классовых отношений), показать зависимое положение политических явлений в системе общественного развития».²⁹ Нам представляется, что статья Грекова не дает оснований для такого заключения, поскольку в ней практически обойдены экономические предпосылки новго-

²⁵ Греков Б. Д. Революция в Новгороде Великом в XII веке. — Уч. зап. Ин-та истории РАН ИОН, 1929, т. IV, с. 13, 14, 19.

²⁶ Там же, с. 21.

²⁷ Там же, с. 14.

²⁸ Там же.

²⁹ Ширина Д. А. Изучение русского феодального города..., с. 280.

родского восстания 1136 г. и не показана классовая борьба. Думается, ближе к истине И. Я. Фроянов, отмечавший, что в данной статье Б. Д. Греков «отдал дань социологизму, имевшему широкое хождение особенно на протяжении 20-х годов».³⁰

Точка зрения Б. Д. Грекова на происхождение Новгородской республики как результат восстания 1136 г., которое привело к созданию государственных институтов, просуществовавших вплоть до падения независимости Новгорода, суждено было стать общепринятой на многие десятилетия, войти в школьные и вузовские учебники, многотомные академические издания по истории СССР.

Несколько позднее статьи Б. Д. Грекова увидела свет написанная в 1927—1928 гг. работа И. М. Троцкого. Если Грекова интересовали главным образом результаты движения 1136 г., то Троцкого занимали «больше его причины — установление тех социальных сил, которые привели к „революции“».³¹

Работа И. М. Троцкого основана на тщательном анализе летописей и Русской Правды. Среди причин, вызвавших к жизни республиканские порядки в Новгороде, Троцкий выделяет причины идеологического характера. Рассматривая летописный рассказ о призвании варягов, автор относит его к творчеству летописца XI в. и на этом основании находит возможным говорить о «наличии в Новгороде во второй половине XI в. идеологии, полагавшей Новгород „матерью городов русских“, самостоятельной волостью, с большой территорией, с исконным правом сменять и призывать к себе князей, принимавшей их как необходимость, но требовавшей соблюдения новгородских правопорядков».³² Троцкий считает, что уже во второй половине XI в. «новгородцы оказываются довольно самостоятельными», указывая при этом на бегство князя Ростислава из города и на изгнание Глеба Святославича.³³

Изучая социальные причины обособления Новгорода от Киева, И. М. Троцкий рассматривает Краткую Правду, которую вслед за И. Д. Беляевым и И. А. Стратоновым признает «уставной грамотой, данной Ярославом новгородцам в 1016 г., а поскольку это памятник новгородский... из него можно сделать ряд заключений для характеристики социальных отношений в Новгороде в начале XI в.».³⁴ Одним из таких заключений является вывод о том, что новгородское боярство произошло от старшей княжеской дружины, огнищан. По мнению исследователя, в XI в. мы имеем дело с процессом обособления старшей дружины и растворением ее «в среде торгово-промышленного населения Новгорода».³⁵ Слив-

³⁰ Фроянов И. Я. Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси. — В кн.: Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России, ч. I. Л., 1967, с. 23.

³¹ Троцкий И. М. Возникновение Новгородской республики. — Изв. АН СССР, VII серия, отд. общ. наук, 1932, № 4, с. 365.

³² Там же, с. 277.

³³ Там же, с. 291.

³⁴ Там же, с. 351.

³⁵ Там же, с. 358.

шаяся с новгородским обществом и сделавшаяся составной частью его высшего слоя, участвуя в колонизационном движении и торговле, бывшая старшая княжеская дружина начинает выступать против княжеского засилья в управлении городом. «Интересы новгородской колонизации и торговли, — пишет Троцкий, — требуют окончательного разрыва с Киевом, который и происходит в довольно напряженной социальной атмосфере». При этом само восстание 1136 г. автор расценивает лишь как один «из наиболее ярких эпизодов в истории возникновения Новгородской республики», но не решающий.³⁶

Следует выделить ряд интересных наблюдений И. М. Троцкого, показывающих, что ограничение княжеской власти происходило постепенно. Историк заметил, например, что переселение князя на Городище происходит, вопреки Б. Д. Грекову, не после восстания 1136 г., а раньше, поскольку из летописи известно, что уже в 1103 г. князь Мстислав строит на Городище церковь Благовещения. Кроме того, Троцкий предположил, что «и при Мстиславе, и при сыне его Всеволоде должность посадника, еще не ставши выборной, замещалась новгородцами».³⁷

Несмотря на содержавшиеся в статье И. М. Троцкого новые построения, оригинальный анализ Краткой Правды и летописей, подчас спорные мысли, она не вызвала откликов и прошла практически незамеченной. Господствующей стала точка зрения Б. Д. Грекова. Другие исследователи, полностью соглашаясь с окончательностью установления в 1136 г. республиканского строя в Новгороде, пытались лишь выяснить, на какие социальные группы опирался князь Всеволод Мстиславич в 1136 г., а кто выступал против него.

Так, Д. А. Введенский находил, что «восстание 1132—1136 гг. (автор почему-то видит здесь одно длительное восстание. — В. А.) было направлено против князя Всеволода Мстиславича и поддерживавшей его части новгородского боярства. Восстали „черные люди“ Новгорода и та часть купечества, которая находилась в ростовщической кабале у богатого новгородского боярства».³⁸ Автор ограничивается таким весьма ответственным выводом, не пытаясь отыскать ему твердую опору в источниках.

А. Г. Захаренко, подобно Б. Д. Грекову, полагает, что результатом восстания 1136 г. были ликвидация княжеского землевладения, а также потеря князем права торгового суда и законодательства, и находит, что указанные изменения «являются показателем победы... средних слоев, главным образом купечества».³⁹

³⁶ Там же, с. 369.

³⁷ Там же, с. 363.

³⁸ Введенский Д. А. К истории образования Новгородской республики. — Уч. зап. Харьковск. гос. ун-та, 1939, кн. 15, с. 19.

³⁹ Захаренко А. Г. Восстания смердов и «черных людей» и покорение племен в Новгороде в конце XII и начале XIII в. — Уч. зап. ЛГУ, 1939, № 48, серия истор. наук, в. 5, с. 38—45.

Д. С. Лихачев, полностью согласный с Б. Д. Грековым относительно «окончательности» переворота 1136 г., берет эту дату за основу своих разысканий по истории новгородской церкви и летописания.⁴⁰ Вслед за Н. И. Костомаровым⁴¹ он отмечает, что именно после изгнания Всеволода начинается собственно новгородская летопись. Кроме того, Лихачев связывает с восстанием 1136 г. «церковную реформу Нифонта», в результате которой новгородцы стали избирать епископа на общегородском вече, в то время как ранее они получали владыку из Киева. «Установление новых порядков в новгородской церкви, — пишет автор, — лежит, таким образом, в связи с установлением нового политического строя Новгорода, в котором новгородская церковь с той поры стала играть главенствующую роль. Вместе с тем сама новгородская церковь подпала под контроль веча и устранилась от влияния на нее Киева».⁴²

А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров в обобщающей статье по истории древнего Новгорода отмечали, что в результате событий 1136 г. «одержало победу республиканское устройство», а после того как в 1156 г. новгородцы стали сами избирать епископа, «вечевая организация окончательно оформилась».⁴³

Авторы находят четыре причины, приведшие, по их мнению, к установлению республики. Во-первых, преобладание в Новгороде «земских бояр», происходивших из туземной знати и «опиравшихся на местное землевладение». Во-вторых, высокое развитие ремесла, которое вело к концентрации в городе массы «черного люда». В-третьих, значительная роль Новгорода в крупной внешней и внутренней посреднической торговле, которая усиливала «значение и вес в Новгороде ремесленно-купеческого населения с его демократическими традициями». В-четвертых, новгородская колонизация, направлявшаяся на север и северо-восток; феодальные порядки распространялись там «в такой политической форме, которая более всего соответствовала их примитивному, полупатриархальному строю».⁴⁴

В академических «Очерках истории СССР», подготовленных под руководством Б. Д. Грекова, разработанная им ранее схема установления республики дополнена характеристикой социального состава инсургентов и классовых противоречий в Новгороде. По мысли авторов «Очерков», «в событиях 1136 г. сливаются антифеодальная классовая борьба крестьянства и городской бедноты против боярства с политической борьбой Новгорода за независи-

⁴⁰ Лихачев Д. С. «Софийский временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — Истор. записки, 1948, т. 25, с. 240—265; см. также: Лихачев Д. С. Новгород Великий. М.—Л., 1945, с. 21—23; 2-е изд. М., 1959, с. 23—25.

⁴¹ Костомаров Н. И. Лекции по русской истории, ч. I. СПб., 1861, с. 63.

⁴² Лихачев Д. С. «Софийский временник»..., с. 250.

⁴³ Монгайт А. и Федоров Г. Вопросы истории Великого Новгорода. — ВИ, 1950, № 9, с. 110.

⁴⁴ Там же, с. 110—111.

мость от Киева. Участие в восстании широких масс торгово-ремесленного населения Новгорода и пригородов повело к тому, что в независимом Новгороде, в отличие от других русских земель периода феодальной раздробленности, был установлен республиканский строй».⁴⁵

Общий же вывод о результатах восстания 1136 г. остается прежним: «После того как в 1136 г. к вечу перешло право выбора новгородского епископа, посадника и тысяцкого, вечевая организация окончательно оформилась».⁴⁶

Аналогичную позицию занял И. И. Смирнов, писавший о «победоносном восстании новгородцев 1136—1137 гг.», итогом которого «явилась ликвидация зависимости Новгорода от Киева и образование Новгородской республики. Князь потерял значение главы Новгородского государства. Верховная власть перешла в руки вече, которое стало избирать и органы правительства — посадника и тысяцкого — и призывать князей, заключать с ними договоры. Права и обязанности князя теперь свелись главным образом к выполнению функций военного порядка».⁴⁷

Б. А. Рыбаков, согласный с Б. Д. Грековым, что после восстания 1136 г. «вольнолюбивый Новгород Великий окончательно становится боярской феодальной республикой»,⁴⁸ попытался выяснить отношение различных социальных слоев населения Новгорода к князю Всеволоду Мстиславичу. Рыбаков подчеркивает враждебное отношение к князю со стороны боярства, недовольного «расправой», учиненной над ним в 1118 г. Мономахом «ради поддержания престола молодого князя Всеволода Мстиславича».⁴⁹ Купечество было недовольно Уставом Всеволода, который Рыбаков датирует началом 1136 г. и понимает таким образом, что в нем «дела купеческой корпорации («Ивановского ста». — В. А.) ставятся под контроль новгородского архиепископа».⁵⁰ Что касается «черных людей», то с ними «у Всеволода были враждебные отношения, что и было ему потом поставлено в вину».⁵¹ Таким образом, по Рыбакову, у князя остался только один союзник — церковь во главе с архиепископом, ведь именно в интересах архиепископа был создан Устав. Однако этот союз не сумел выстоять против восстания 1136 г.: князь был изгнан.

Несколько иначе трактовал классовые противоречия и классовую борьбу в Новгородской земле 30-х гг. XII в. М. Н. Тихомиров. Анализируя Устав Святослава Ольговича 1137 г., ученый находит в нем «заботу о смердах» (другие исследователи иначе по-

⁴⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. Ч. 1. М., 1953, с. 350.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Краткая история СССР, ч. I. М.—Л., 1963, с. 58.

⁴⁸ Рыбаков Б. А. Первые века русской истории. М., 1964, с. 174; История СССР с древнейших времен до наших дней, т. 1. М., 1966, с. 638.

⁴⁹ История СССР..., т. 1, с. 635.

⁵⁰ Там же, с. 637.

⁵¹ Там же.

нимают смысл Устава⁵²), связывая это наблюдение с одним из пунктов обвинений, предъявленных князю Всеволоду вечем в 1136 г.: «не блюдет смерд», что означает, по мнению Тихомирова, «не заботится о смердах, раздавая села и деревни новгородским феодалам».⁵³ Изучение Рукописания князя Всеволода, датируемого исследователями 1132 г., навело Тихомирова на мысль, что этот документ передавал «торговые дела в руки тысяцкого и пошлих купцов, отстранил от участия в нем „черных людей“». Указывая на классовую сущность законодательства Всеволода Мстиславича, Тихомиров, в отличие от Б. А. Рыбакова, полагает, что оно «проводилось в интересах боярства и купеческой верхушки, которую князь старался привлечь на свою сторону».⁵⁴

Политика Всеволода, направленная в сторону дальнейшего усиления феодального гнета, должна была встретить сильнейшее сопротивление среди смердов и «черных людей», что и привело к новгородскому восстанию 1136 г. Представляет интерес замечание Тихомирова, что «волнения в Новгороде происходили одновременно с движением в деревне», поэтому не случайно участие в вече, изгнавшем Всеволода, ладожан и псковичей.⁵⁵

Восстание 1136 г. носило, по М. Н. Тихомирову, классовый характер, «озлобление против Всеволода среди купцов и ремесленников было явным и открытым», сторонниками князя были бояре и владыка Нифонт.⁵⁶ 1136 год в истории Новгорода Тихомиров считает «переломным, после которого в нем окончательно утверждается вечевой строй». В противоречие с этим выводом вступает замечание того же автора, помещенное на следующей странице его книги «Древнерусские города»: «Борьба новгородцев за городские вольности не была закончена в 1136—1137 гг. Она развивалась и дальше, приведя в конечном итоге к созданию Новгородской феодальной республики ... Окончательное завершение борьбы за городские вольности произошло в Новгороде уже в XIII столетии. Этому предшествовал ряд крупных восстаний, из числа которых наиболее значительным было восстание 1209 г.».⁵⁷

Отмеченное противоречие свидетельствует, что М. Н. Тихомиров, не отказавшись еще от общепринятой в то время точки зрения на восстание 1136 г., пытался осмыслить изменения со-

⁵² Д. С. Лихачев и А. А. Зимин считали, что Устав составлен в интересах владычной кафедры (см.: Лихачев Д. С. «Софийский временник...», с. 244—249; ПРП, в. 2, с. 116, 119), с ними согласен и Я. Н. Щапов (см.: Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, с. 287—288; Щапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972, с. 164—165).

⁵³ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, с. 196—197.

⁵⁴ Там же, с. 188.

⁵⁵ Там же, с. 189, 194.

⁵⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. 2-е изд. М., 1956, с. 206.

⁵⁷ Там же, с. 206 и 207.

циально-политического характера в Новгороде XII—XIII вв. в духе постепенности республиканских преобразований.

Л. В. Черепнин в работе 1965 г. показал себя сторонником взглядов Б. Д. Грекова на результаты новгородской «революции», связывая с событиями 1136 г. создание Краткой редакции Русской Правды, необходимой «Новгородскому государству» как «свой судебник».⁵⁸

В своей первой значительной работе о политической истории Новгорода В. Л. Янин сделал серьезный шаг по пути отказа от традиционных представлений об установлении республиканских порядков в Новгороде. Он признает восстание 1136 г. «главным и итоговым результатом длительной борьбы, наполнившей политическую жизнь Новгорода на протяжении всего княжения Мстислава и всего княжения Всеволода, а не стремительной вспышкой внезапно пробудившегося политического самосознания новгородцев».⁵⁹

Анализ данных летописи и сфрагистических материалов приводит исследователя к чрезвычайно существенному выводу, что «восстание 1136 года вовсе не порождает тех форм республиканской жизни, возникновение которых обычно связывается с ним». Оказывается, главный орган республиканской власти — выборное посадничество — возникает еще в конце XI в., а окончательное сложение республиканских органов «происходит долгое время спустя после восстания 1136 г.». В. Л. Янин, как и многие его предшественники, подчеркивает классовый характер событий 1136—1137 гг. Борьба против Всеволода «опирается на классовое недовольство социальных низов». Автор отмечает «особую роль купечества в организации отпора Всеволоду в 1137 г.». Что же касается боярства, то оно «занимает противоречивую и двусмысленную позицию»: с одной стороны, оно «заинтересовано в расширении собственного участия в государственном управлении», с другой — испытывает в князе «необходимость как в классовом союзнике».⁶⁰

В. Л. Янин главным результатом движения 1136—1137 гг. считает торжество принципа «вольности в князьях», т. е. права новгородцев самим приглашать князей и контролировать их деятельность.⁶¹

В более поздних работах В. Л. Янин подверг критике всю систему аргументов Б. Д. Грекова по поводу возникновения Новгородской республики. Во-первых, исследователь рассмотрел тезис Грекова о запрещении князьям владеть землей на территории государства, основанный главным образом на сопоставлении формуляров грамоты князя Всеволода Юрьеву монастырю и грамоты

⁵⁸ Новосельцев А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение, с. 251.

⁵⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 72.

⁶⁰ Там же, с. 71, 72.

⁶¹ Там же, с. 72.

Изяслава Мстиславича Паптелеемонову монастырю. Ряд тонких источниковедческих наблюдений позволил Янину найти доказательства в пользу одновременности составления этих документов в 1134 г., т. е. до восстания 1136 г. Разницу в формулярах двух актов исследователь объясняет тем, что в 1134 г. Всеволод был новгородским князем и санкция веча на пожалование земли монастырю ему была не нужна, в то время как его брат, не являясь новгородским князем, вынужден был обращаться к вечу за особым разрешением.⁶²

Внимательный анализ актового материала, в том числе договоров Новгорода с князьями, дал В. Л. Янину возможность установить, что после восстания 1136 г. «отношения князей к земельной собственности не претерпели существенных изменений», князь «был хозяином своего домена и лишь адресатом княжеской дани с других территорий», ограничение прав князя произошло «на каком-то более позднем этапе», но эти ограничения коснулись лишь территории «новгородских волостей».⁶³

В отличие от Б. Д. Грекова В. Л. Янин не считает, что после событий 1136 г. князья были выселены из Новгорода на Городище, и приводит следующие факты: резиденция князей была на Городище уже в начале XII в., что засвидетельствовано летописным известием о строительстве князем Мстиславом церкви Благовещения в 1102 г.; «древнейшие массовые находки» на Городище «датируются рубежом XI—XII вв.»; кроме того, и в 1137 г. князю принадлежит Ярославово Дворище в Новгороде.⁶⁴

Отвечая на вопрос, стал ли князь после восстания 1136 г. незначительным чиновником, В. Л. Янин приводит статистику сфрагистических материалов. Оказывается, в период с 1136 г. до конца первой трети XIII в. «370 печатям княжеского круга противостоят лишь 14 епископских булл и около 10 печатей светской республиканской администрации», а это означает, что после 1136 г. «право утверждать акты печатями, а следовательно, и право судебного решения было сосредоточено в руках князя».⁶⁵

Таким образом, князь играл крупную роль в управлении Новгородом в XII—XIII вв.

Общие выводы В. Л. Янина таковы: восстание 1136 г. не было «революцией», хотя его успех был «чрезвычайно велик», однако «само восстание является лишь звеном в цепи антикняжеской борьбы». Новгородская республика в 1136 г. вовсе не образовалась такой, какой мы ее знаем в XV в., «впереди еще длительный путь борьбы и мучительных преобразований».⁶⁶

⁶² Янин В. Л. 1) Из истории землевладения в Новгороде XII в. — В кн.: Культура Древней Руси. М., 1966; 2) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 60—79.

⁶³ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 46.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с. 47.

⁶⁶ Там же, с. 48.

Результаты исследований В. Л. Янина повлияли на точку зрения Л. В. Черепнина, который отказался от признания восстания 1136 г. событием, окончательно оформившим республиканские государственные институты, и писал о «значительных результатах», которые дали «к концу XII—началу XIII в. формирование новгородского республиканского уклада».⁶⁷ Выводы Янина относительно образования республики повторила в своей книге Н. Л. Подвигина.⁶⁸

Итак, в последнее время в науке происходит пересмотр традиционных взглядов на начало новгородской республиканской государственности, толчок которому дали работы В. Л. Янина. Заслугой Янина является основанный на принципе историзма и скрупулезном анализе источников показ постепенности конституирования республиканских порядков в Новгороде, учитывающий социальное расслоение и классовые противоречия.

Вместе с тем не следует думать, что проблема происхождения Новгородской республики уже решена полностью и окончательно. Остается малоизученным вопрос об экономическом развитии Новгорода XI—XIII вв., т. е. об экономических предпосыпках образования республики (во многом это связано со скучностью источников по данной теме). Нужно продолжить начатую В. Л. Яниным работу по изучению формирования важнейших государственных институтов. Насущной задачей является также дальнейшая разработка истории борьбы между политическими группировками в XI—XIII вв.

Основы современных представлений о социально-политическом строе Новгорода XII—XV вв. были заложены А. В. Арциховским в нескольких работах, в первую очередь в статье «К истории Новгорода», направленной против построений М. Н. Покровского, который, как уже отмечалось, придавал слишком большое значение новгородской торговле, доходя до провозглашения социального слоя, правившего Новгородской республикой в XIV—XV вв., «буржуазией торгового капитала».

Проанализировав сведения, извлеченные из летописей, актов, писцовых книг, А. В. Арциховский пришел к выводу, что «немногочисленные намеки на участие новгородских бояр в торговле очень неясны», «зато обилие источников наблюдается по вопросу о новгородском боярском землевладении».⁶⁹

По мнению автора, «владычество в Новгороде буржуазии пора отнести к числу исторических легенд»⁷⁰ и признать господствующей верхушкой Новгородской республики группу семей крупней-

⁶⁷ Черепнин Л. В. К вопросу о характере и форме древнерусского государства X—начала XIII в.—Истор. записки, 1972, т. 89, с. 402.

⁶⁸ Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической истории Новгорода Великого в XII—XIII вв. М., 1976, с. 37—40, 108—110, 115—117.

⁶⁹ Арциховский А. В. К истории Новгорода.—Истор. записки, 1938, т. 2, с. 111, 112.

⁷⁰ Там же, с. 109.

ших землевладельцев — бояр. А. В. Арциховский доказал, что высшая государственная должность в Новгороде, должность посадника, в течение столетий замещалась представителями немногих боярских родов, как род Мишиничей, что и убеждает в политическом господстве боярства в Новгороде. Выводы, полученные Арциховским при изучении письменных источников, в дальнейшем блестяще подтвердились результатами работ возглавляемой им Новгородской археологической экспедиции, открывшей в Неревском конце города ряд усадеб, которые принадлежали Мишиничам, и обнаружившей на территории этих усадеб множество берестяных грамот, неопровергимо свидетельствующих о наличии крупных земельных богатств у данного посадничего рода.⁷¹ Ныне землевладение новгородских бояр хорошо изучено в специальных исследованиях.⁷²

В другой работе А. В. Арциховский рассматривает территориально-административную систему управления республикой, которая, по мнению ученого, была теснейшим образом связана с делением Новгорода на пять городских районов — концов, которые «управлялись и представлялись знатью». Кончанское деление Арциховский относит к первым векам существования города, во всяком случае в XI—XII вв. Новгород уже был разделен на концы, и «военная организация Новгорода была издревле связана с кончанским делением», да и деление Новгородской земли на пятину связывается «с разделением ее между пятью концами».⁷³ Сходные взгляды ранее были продемонстрированы Н. А. Рожковым и Б. А. Рыбаковым.⁷⁴

Таким образом, согласно представлениям А. В. Арциховского, Новгород был федерацией пяти самоуправляющихся концов. Автор полагал, что кончанское деление не было специфической особенностью Новгорода, «оно прослеживается и в ряде городов как внутри Новгородской земли, так и вне ее».⁷⁵ В данном случае мысли Арциховского созвучны предположению Б. Д. Грекова, который еще до революции, изучая волость Жабпа в Деревской пятине, писал: «Семь концов и погост со своими деревнями со-

⁷¹ Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным.—В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 38—47; Черепнин Л. В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969, с. 168—189; Янин В. Л. 1) Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 150—181; 2) Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

⁷² См.: Тараканова-Белкина С. А. Боярское и монастырское землевладение в новгородских пятинах в домонгольское время. М., 1939; Данилова Л. В. Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XV—XVI вв. М., 1955; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1974; Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина.

⁷³ Арциховский А. В. Городские концы в Древней Руси.—Истор. записки, 1945, т. 16, с. 3, 6, 7.

⁷⁴ Рожков Н. А. Русская история..., с. 333—337; Рыбаков Б. А. Деление Новгородской земли на сотни в XIII веке.—Истор. записки, 1938, т. 2, с. 150—151.

⁷⁵ Арциховский А. В. Городские концы..., с. 11.

ставляли одну большую волость. Не был ли когда-нибудь и сам Новгород Великий в подобном же положении?». ⁷⁶ Недавно эти мысли получили развитие в работе Л. А. Фадеева.⁷⁷

мысли получили развитие в работе Ю. А. Арциховского. Важным представляется высказанный А. В. Арциховским взгляд на социально-политическое развитие Новгородской республики. Он считал, что историю республики можно разделить на два больших этапа. В основу деления исследователь кладет свои представления об эволюции княжеской власти в Новгороде. Первый период начался «после переворота 1136 г.», когда «верховной властью в городе стало собрание граждан — вече, главой правительства — выборный посадник, но власть князя, хотя и сильно ограниченная, все же сохранялась». На втором этапе, «с начала XIV в. Новгород уже обходился без князей».⁷⁸ Второй этап характеризуется еще и тем, что «могущество новгородской аристократии в XIV и XV вв. безусловно усилилось сравнительно с XII и XIII вв. Но едва ли это произошло за счет плебса, никогда не правившего государством, но и не терявшего вплоть до гибели вече своих отвоеванных в XII в. прав. Усиление аристократии произошло за счет князя. Самый пост князя в Новгороде к концу XIII в. был отменен».⁷⁹

Трудно согласиться со столь категоричным утверждением об отмене княжеского поста в Новгородской республике. Физическое отсутствие князя в Новгороде XIV—XV вв., на которое ссылается А. В. Арциховский,⁸⁹ еще не говорит о ликвидации княжеской власти. Хорошо известно, что новгородцы признавали в XIV—XV вв. своим князем того, кто получал ярлык на великое княжение, т. е. сначала тверских, а затем московских князей. Причем княжеская власть вовсе не была номинальной, как представляется Арциховскому. Мы знаем, что великий князь имел в Новгороде наместника. Договоры Новгорода с князьями и Новгородская судная грамота дают вполне определенное представление о правах князя. Изменение формы княжеской власти во второй половине XIII в., когда князья перестают жить в Новгороде, Арциховский принял за ликвидацию самого княжеского поста.

С работ А. В. Арциховского в науке утверждается характеристика социально-политического строя Новгорода XII—XV вв. как феодальной вечевой республики, в которой у власти стояли крупнейшие землевладельцы — бояре. Эта характеристика не подвергалась сомнению никем из позднейших исследователей и содержится во всех современных работах, где говорится об истории Новгорода соответствующего периода.

⁷⁶ Греков Б. Д. Новгородский дом святой Софии, ч. I. СПб., 1914, с. 291.
⁷⁷ Фадеев Л. А. Происхождение и роль системы городских концов

⁷⁷ Фадеев Л. А. Происхождение и роль Новгорода в развитии древнейших русских городов. — В кн.: Русский город. М., 1976.
⁷⁸ Арицховский А. В. Новгород Великий в XI—XV веках. — ВИ, 1960, № 9, с. 29.

⁷⁹ Арицховский А. В. К истории Новгорода, с. 122.

⁸⁰ Там же, с. 129.

Из такой характеристики строя республиканского Новгорода исходили в упоминавшейся уже обобщающей статье А. Л. Монгайт и Г. Б. Федоров, а также В. Н. Бернадский. Труды Бернадского основаны на изучении источников, традиционно использовавшихся исследователями истории средневекового Новгорода, главным образом летописей и писцовых книг. Работы Бернадского посвящены преимущественно изучению последнего этапа существования новгородской республики (XIV—XV вв.).⁸¹

В. Н. Бернадский исследовал социальное лицо различных слоев новгородского общества. Он дал характеристики бояр, жильщиков, купцов. Рассматривая боярство как феодальную знать, правящую верхушку республики, автор попытался разобраться в политическом облике боярских группировок на закате новгородской самостоятельности и пришел к выводу, что «политическая линия отдельных группировок новгородского боярства была в классовой основе одной и той же. Это была политика землевладельческой боярской олигархии, политика классово ограниченная, склонявшаяся „старине“, косная, лишенная широты размаха и перспектив».⁸²

В. Н. Бернадский уточнил и развил взгляд Б. Д. Грекова на положение житых людей. Греков считал житых частью правящего землевладельческого класса, уступавшей боярам только по размерам своего землевладения.⁸³ Бернадский отметил, что «нет существенных различий в размерах владений житых от бояр», хотя среди житых и не было таких магнатов, как Борецкие, Овновы, Захаринцы, но ведь и среди бояр их было немного. Исследователь полагал, что «отличия в XV в. нужно искать в сфере правовой, а не экономической. Войдя в состав класса феодалов, новгородские житы не сравнялись с боярами в правах... даже самые богатые житы не вошли в ряды правящей повгородской верхушки» (т. е. не могли избираться в посадники и тысяцкие. — В. А.). Бернадский писал также об отсутствии серьезных противоречий между боярами и житыми, ибо они были частями одного феодального класса.⁸⁴

Говоря о купцах, В. Н. Бернадский отмечает, что «они занимали весьма скромное положение в новгородской социальной пепархии», а «участие купцов в посольствах ограничивалось спошениями с немецкими городами и Орденом». Хотя некоторые

⁸¹ Бернадский В. Н. 1) Новгород и Поморье в XII—XV вв.—Уч. зап. ЛГПИ, 1941, т. 39; 2) Новгородский посадник Степан Твердиславич.—Уч. зап. ЛГУ, 1946, № 95, серия истор. наук, в. 45; 3) Политика Ивана III в Новгороде.—Уч. зап. ЛГПИ, 1947, т. 61; 4) Общественное разделение труда и феодальная рента в Новгородской земле XV в.—Там же, 1955, т. 102; 5) Новгород и Новгородская земля XIV—XV вв., т. I.—Там же, 1958, т. 138; 6) Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.—Л., 1961.

⁸² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 161.
⁸³ Глеков Б. Л. Крестьяне на Руси, с. 487—488.

⁸⁴ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 173, 177.

175, 177.

купцы и владели землей, но их было немного (всего 10—15 человек).⁸⁵

Крупный вклад внес В. Н. Бернадский в изучение истории политической борьбы в Новгороде XIV—XV вв. С 30-х гг. в науке утвердился взгляд на многочисленные новгородские восстания XII—XV вв. как на проявления классового антагонизма между феодалами и низами, причем историки писали о выступлениях всего новгородского плебса против всего господствующего класса. Первым в советской историографии такую позицию занял С. Н. Быковский при изучении восстания 1436 г.⁸⁶ А. А. Строков, исследуя восстание 1418 г., находил возможным говорить о крестьянах, «труд которых был основным источником боярского присвоения», как «главной силе восстания», выступившей «против бояр-землевладельцев в целом, против угнетателей и угнетения».⁸⁷

Еще дальше пошел М. Н. Тихомиров, признававший уже для XIII в. «существование среди новгородцев определенных антифеодальных группировок», состоявших в основном из ремесленников.⁸⁸ Ожесточенная классовая борьба между «вятшими» и «меньшими» привела к тому, что, по мнению ученого, в результате восстания 1228 г. «сотни, представлявшие объединения ремесленников и торговцев, одержали победу, но на короткое время».⁸⁹ После волнений 1255—1259 гг. «победа осталась за „вятшими людьми“, действовавшими вероломно и опиравшимися на татар».⁹⁰

Подобный подход к изучению политической борьбы характерен и для других работ.⁹¹ В своей ранней книге В. Н. Бернадский стоял на позиции признания новгородских восстаний проявлениями классовой борьбы в чистом виде. Восстания, по Бернадскому, «были стихийным ответом новгородских плебеев на усиленный наажим со стороны новгородских бояр и богатых купцов». «Непрестанные выступления новгородских плебеев» колебали « власть новгородского боярства».⁹²

⁸⁵ Там же, с. 163, 165.

⁸⁶ Быковский С. Н. Из истории классовой борьбы в Новгороде Великом в XV веке. — В кн.: Сергею Федоровичу Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности. Л., 1934.

⁸⁷ Строков А. А. Восстание Степанки в 1418 году. — Новг. истор. сборник, 1938, в. 3—4, с. 107; см. также: Строков А. А., Богусевич В. А. Новгород Великий. Л., 1939, с. 19; Строков А. А. Некоторые вопросы из истории Великого Новгорода. Новгород, 1939, с. 19.

⁸⁸ Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания..., с. 252.

⁸⁹ Там же, с. 264.

⁹⁰ Там же, с. 273.

⁹¹ См.: Захаренко А. Г. Черниговские князья в Новгороде. — Уч. зап. ЛГПИ, 1947, т. 61; Монгайт А. и Федоров Г. Вопросы истории Великого Новгорода, с. 110—111; Очерки истории СССР IX—XV вв., ч. 1, с. 179—183; История СССР..., т. 2. М., 1966, с. 96—97; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, с. 21—26.

⁹² Бернадский В. Н. Господин Великий Новгород. Очерки по истории Новгорода. М.—Л., 1936, с. 93, 94.

В более поздних работах В. Н. Бернадский пересмотрел свои взгляды, отказавшись от схематизма и модернизации в оценке классовой сущности новгородских восстаний XIV—XV вв. Рассматривая волнения 1359, 1384 и 1388 гг., автор предостерегает от ошибки видеть за «политической борьбой между боярскими родами классовую борьбу между эксплуататорами и эксплуатируемыми».⁹³

Детальный анализ летописных известий о новгородских восстаниях первой половины XV в. позволил В. Н. Бернадскому установить, что в основе этих выступлений «лежали классовые противоречия, борьба новгородского „плебейства“ против боярства и городского „патрициата“». Однако «новгородскому боярству удавалось свести социальную борьбу в русло соперничества „концов“ и „сторон“».⁹⁴

Важным представляется вывод исследователя о причинах проявления классовых противоречий не в виде открытых столкновений классов, а в форме борьбы концов. Главной причиной было то, что «уровень классовой сознательности новгородских плебеев даже в XV в. не поднимался до той высоты, при которой борьба против злоупотреблений и насилий феодальной верхушки перерастала бы в борьбу против феодального строя и боярской власти вообще. Мысль о создании своей, или небоярской, власти еще не мелькала в сознании новгородских плебеев. Борьба шла против плохих бояр, а не против всех бояр». Ввиду невысокого классового сознания «народ оказывался способным на расправы с отдельными боярами, но не способным на свержение боярского строя. Поэтому итогом движений являлась в лучшем случае смена боярских властей»,⁹⁵ городские низы выступали обычно вместе со «своими» кончанскими боярами против «чужих» бояр.

Картина политической борьбы, нарисованная В. Н. Бернадским, значительно сложнее той, что открылась взору его историографических предшественников. Она, как нам кажется, выглядит более убедительно, лучше согласуясь с показаниями источников.

С 60-х гг. начинается новый этап изучения социально-политической истории Новгорода XII—XV вв. Отличительной чертой этого этапа является все более широкое привлечение археологических источников паряду с продолжением изучения источников традиционных (летописей, актов). Замечательные открытия, сделанные Новгородской археологической экспедицией (находка берестяных грамот, новых сфрагистических материалов, усадеб, принадлежавших различным категориям населения средневекового Новгорода), привели к тому, что серьезные исследования по интересующей нас теме стали возможны только на основе интеграции данных письменных и археологических источников.

⁹³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в., с. 32.

⁹⁴ Там же, с. 199, 33.

⁹⁵ Там же, с. 199.

Наиболее значительные успехи в изучении социально-политической истории Новгорода за последние два десятилетия связаны с трудами В. Л. Янина. Для работ этого ученого характерно привлечение к исследованию возможно более широкого круга источников, как письменных, так и археологических, тонкий источниковедческий анализ, а также стремление показать изучаемые явления в развитии, раскрыть их эволюцию.

В монографии «Новгородские посадники» В. Л. Янин сумел дать яркую и во многом новую картину истории важного республиканского института власти — посадничества. Исследование Янина выходит за рамки темы, указанной в заглавии, и выражается в политическую историю Новгорода XI—XV вв. Автор согласился с изложенной выше точкой зрения В. Н. Бернадского на характер политической борьбы в Новгороде эпохи самостоятельности и развел ее, показав, что фронт этой борьбы проходил по границам городских концов.

Если раньше посадничество рассматривалось как некая застывшая после «революции» 1136 г. форма, то В. Л. Янин обратил внимание на эволюцию этого института, связав изменения в количественном и личном составе посадников с политической борьбой соперничавших между собой кончанских боярских группировок.

Схема истории посадничества, по В. Л. Янину, в самых общих чертах такова. Первоначально посадники назначаются киевскими князьями. С конца XI в. появляются посадники, выбираемые венчом на неограниченный срок. В конце XIII в. посадников начинают выбирать на годичный срок и только из числа пяти бояр, пожизненных представителей пяти концов.⁹⁵ В 1354 г. по инициативе Онцифора Лукинича была проведена реформа посадничества, в результате которой стали выбирать сразу шесть посадников (два от Славенского конца и по одному от остальных четырех), которые из своей среды ежегодно выделяли степенного посадника. Около 1416 г. проводится последняя реформа, увеличившая число посадников до нескольких десятков и сократившая срок степенного посадничества до полугода.

Стержень всех изменений в посадничестве В. Л. Янин видит в борьбе боярства за власть, спачала против князя, а затем разгорается борьба между различными боярскими группировками. Рост классовой борьбы в республике в XIV в. вынуждает боярство стремиться к консолидации своих сил и приводит сначала к реформе 1354 г., а позднее к реформе 1410-х годов. Последняя реформа, по мнению Янина, «создала в Новгороде законченные формы олигархического правления», «во главе государственной жизни стал сенат — Совет господ, боярство в целом было приоб-

⁹⁵ Впоследствии исследователь пришел к заключению, что кандидатов в посадники одновременно было только три: один — от Торговой стороны и два — от Софийской (Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина, с. 144—145).

щено к управлению, впервые получив возможность назвать государством все свое сословие».⁹⁷ Результатом этих изменений была ликвидация вечевых порядков, государство было отделено от народного собрания.

В конечном итоге «создание олигархических форм правления лишило боярское государство поддержки со стороны новгородского плебса» и привело к падению республики.⁹⁸

Работа В. Л. Янина о посадниках является, на наш взгляд, крупным достижением советской историографии в изучении социально-политической истории Новгорода XI—XV вв. Несмотря на ряд недостаточно выясненных вопросов и спорных положений, она служит надежным фундаментом для дальнейших исследований по названной теме.

В работе для реконструкции истории посадничества, кроме летописей, актов и других письменных источников, впервые широко использован материал вислых свинцовых печатей. Позднее увидело свет фундаментальное исследование В. Л. Янина, посвященное изучению всего комплекса новгородских свинцовых печатей, показавшее, что сфрагистический материал, рассматриваемый совместно с другими источниками, предоставляет много новых возможностей для исследования эволюции новгородских институтов власти.⁹⁹

Уже статистика домонгольских булл, о которой говорилось выше, дает основания для чрезвычайно существенного вывода, сделанного В. Л. Яниным, — о сосредоточении в XII—первой половине XIII в. в руках новгородского князя исполнительной власти.¹⁰⁰ Не менее важны полученные на основе исследования новгородских печатей XIII—XV вв. выводы автора об эволюции судебной системы в Новгороде, показывающей успехи республики в XIV в. и торжество боярской олигархии в XV в.¹⁰¹

Сфрагистические материалы, изучаемые вместе с летописными известиями, позволили А. А. Молчанову и Б. Д. Ершевскому высказать ряд предположений относительно политической истории Новгорода XI—начала XIII в.¹⁰²

Свои взгляды по ряду важных проблем социально-политического строя В. Л. Янин изложил в небольшой статье «Проблемы

⁹⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 370.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. I—II. М., 1970.

¹⁰⁰ Там же, т. I, с. 159.

¹⁰¹ Там же, т. II, с. 150.

¹⁰² Молчанов А. А. 1) Новгородские посадничьи печати с изображением княжеских знаков. — В кн.: Проблемы истории СССР, в. IV. М., 1974; 2) О четырех новгородских посадничих печатях XII в. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981; Ершевский Б. Д. 1) Об атрибуции новгородских печатей и пломб XII—начала XIII в. с изображением княжеских знаков. — Там же, X. Л., 1978; 2) Древнейшие печати новгородских посадников. — СА, 1978, № 2.

социальной организации Новгородской республики».¹⁰³ Социальная организация тесно связана с происхождением города, который, по мнению автора, образовался из трех поселков, существовавших в X в. Эти поселки явились в дальнейшем основой федративного устройства Новгорода, образовав Славенский, Неревский и Людин концы, к которым в XII—XIII вв. прибавились еще два — Плотницкий и Загородский.¹⁰⁴

В. Л. Янин считает, что в Новгороде XV в., т. е. во времена боярского олигархического правления, в общегородском вече участвовали не все горожане, а лишь 300—400 владельцев усадеб, иначе говоря, вече «объединяло лишь крупнейших феодалов и было не народным собранием, а собранием класса, стоящего у власти».¹⁰⁵

М. Х. Алешковский, развивая мысли В. Л. Янина о социально-политических аспектах возникновения Новгорода, высказал предположение, поддержанное Яниным,¹⁰⁶ что основой формирования города являлись боярские поселки — патронимии, известные археологам по Неревскому раскопу (усадьбы Мишиничей—Онцифоровичей). Такие поселки стали основой концов, а позднее появились сотни, включавшие в себя дворы пришлого населения, поселившегося на свободных местах. С появлением сотен в Новгороде существовали две политические организации — концы, имевшие самоуправление, главным органом которого было вече, и сотни (во главе сотен были сотские и тысяцкий), подчинявшиеся князю. В результате утверждения республиканских порядков кончанско-боярство подчиняет себе сотенное население, включая его в состав концов и узурпируя должность тысяцкого.¹⁰⁷

В своих построениях М. Х. Алешковский исходил как из неопровергнуто доказанного тезиса о том, что Краткая Правда — это Устав, данный новгородцам Ярославом Мудрым,¹⁰⁸ толкуя ст. 1 этого памятника таким образом, что она делит все население

¹⁰³ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1; то же в кн.: Россия и Италия. М., 1972.

¹⁰⁴ Впервые эта идея была высказана В. Л. Яниным в книге «Новгородские посадники» (с. 372—375), позднее она получила развитие в статье: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). — История СССР, 1971, № 2.

¹⁰⁵ Янин В. Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики. — История СССР, 1970, № 1, с. 51.

¹⁰⁶ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 46—47; Янин В. Л. К проблеме новгородских сотен. — Археограф. ежегодник за 1973 г., М., 1974.

¹⁰⁷ Алешковский М. Х. 1) Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV веков. — СА, 1974, № 3; 2) Архитектура и градостроительство Новгорода и Пскова как источник для изучения их социальной истории. — В кн.: Реставрация и исследование памятников культуры, в. 1. М., 1975.

¹⁰⁸ Аналогичную позицию ранее занимали И. Д. Беляев, И. А. Стратонов, И. М. Троцкий, Л. В. Черепнин.

Новгорода на бояр и небояр. Думается, тем не менее, что предположение о новгородском происхождении древнейшей Правды еще рано переводить в разряд исторических аксиом. Оно нуждается в веских доказательствах.¹⁰⁹

Гипотеза возникновения Новгорода из боярских поселков — патронимий — вызвала возражения Ю. Г. Алексеева, по мнению которого боярская верхушка в Новгороде является «не изначальным — первичным, а производным — вторичным элементом, результатом известного процесса социального развития».¹¹⁰

Привлекала внимание исследователей и роль церкви в политической системе Новгородской республики. В. Л. Янин высказал мысль, что новгородские монастыри, тесно связанные с кончанским боярством, были объединены вокруг пяти главных кончанских монастырей, подчинявшихся в свою очередь выбиралому на вече новгородскому архимандриту.¹¹¹ Ученый признает «существование независимой от владыки организации новгородского черного духовенства», которая мыслится в качестве особого государственного института, «независимого от архиепископа, подчинявшегося вечу и формируемого на вече, опирающегося на кончанское представительство и экономически обеспеченного громадными монастырскими вотчинами».¹¹²

Нам представляется, что документально установленная связь некоторых монастырей с определенными концами города еще не дает права говорить о том, что монастыри находились вне юрисдикции владыки.

В русле построений В. Л. Янина написана монография А. С. Хорошева, в которой автор изучает участие новгородской церкви в республиканских делах, подчеркивая тесную ее связь с боярством, а также исследует церковное землевладение.¹¹³

Читая работы В. Л. Янина по истории Новгорода, нетрудно заметить, что большинство из них так или иначе связано с изучением истории правящей верхушки новгородского государства — боярства. Логическим продолжением этих исследований является новая монография ученого «Новгородская феодальная вотчина», где исследуются генеалогия и землевладение крупнейших боярских кланов Новгорода, таких, как Мишиничи—Онцифоровичи, Матвеевичи, Феофилатьевы, Кузмины—Караваевы. Наряду с ис-

¹⁰⁹ Как нам сообщил В. Л. Янин, среди бумаг покойного М. Х. Алешковского есть неопубликованная статья, в которой он приводит аргументы в пользу того, что Правда Ярослава — памятник новгородский. Мы не имели возможности познакомиться с этой рукописью.

¹¹⁰ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова. — Истор. записки, 1979, т. 103, с. 270—272.

¹¹¹ Янин В. Л. 1) Из истории высших государственных должностей в Новгороде. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963; 2) Очерки комплексного источниковедения, с. 136—149.

¹¹² Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения, с. 146, 148.

¹¹³ Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской республики. М., 1980.

торией боярства здесь рассматривается землевладение непривилегированной части феодального класса — своеzemцев.

Итак, боярство — самая изученная социальная категория древнего Новгорода (хотя и здесь еще много предстоит выяснить). Другие категории изучены значительно хуже. Так, лишь недавно опубликована интересная работа Ю. Г. Алексеева, посвященная «черным людям» Новгорода и Пскова. Автор считает «черных людей» «особой непривилегированной группой с ограниченными правами», выделение которой из массы свободных членов городской общины вслед за боярами, житыми и купцами (т. е. привилегированными группами) «знаменует собой последний этап развития древней городской общины».¹¹⁴

О новгородском купечестве специальных работ пока нет. Существуют лишь разделы в книгах, написанных на более общие темы.¹¹⁵ Ранее мы отмечали, что о житых людях Новгорода писали Б. Д. Греков и В. Н. Бернадский. Новгородские ремесленники привлекали внимание Б. А. Рыбакова, М. Н. Тихомирова, Н. Л. Подвигиной.¹¹⁶ Положение холопов в Новгородской земле изучали Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, А. П. Пьянков, А. А. Зимин, И. Я. Фроянов.¹¹⁷ Однако монографических исследований об упомянутых социальных категориях не существует, полагаем, что это одна из насущных задач ближайшего будущего.

Впрочем, уже увидела свет интересная монография, где на основе комплексного изучения данных археологии, письменных источников и произведений искусства исследуется деятельность одного из представителей небольшой социальной группы — художника Олисея Петровича Гречина, усадьба которого (конец XII в.) обнаружена археологами в Людином конце Новгорода.¹¹⁸ Надеемся, что такая публикация — исследование археологического комплекса не последняя в нашей науке, и в будущем изучение социальных категорий новгородского общества сможет базироваться на материалах открытых и изученных усадеб, принадлежавших в древности представителям соответствующих категорий.

Еще одной крупной проблемой истории политического строя Новгорода является вопрос о характере вече. В науке существуют

на сей счет разные мнения. Выше уже излагалась точка зрения В. Л. Янина и М. Х. Алешковского. Еще раньше сходные взгляды демонстрировал С. В. Юшков,¹¹⁹ а недавно их поддержал И. Э. Клейненберг.¹²⁰ Все названные исследователи признают олигархический, замкнутый характер вече, в то время как другие учёные (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепин, И. Я. Фроянов, А. Л. Шапиро, Б. Б. Кафенгауз) рассматривают вече как народное собрание, в котором имели право участвовать все свободные члены городской общины.¹²¹ Таким образом, настала необходимость в создании монографии о новгородском вече, в которой должны быть проанализированы все известные источники и вече рассматривалось бы в развитии на разных этапах истории Новгорода.

В специальном рассмотрении нуждаются также другие институты власти республиканского Новгорода: Совет господ, сотские и тысяцкие. Чрезвычайно важным представляется продолжение работы по выяснению соотношения кончанской и сотенной систем в республике, а также механизма действия уличанской администрации. Необходимо продолжить изучение военной организации Новгородской республики, начало которому положено работами М. Г. Рабиновича.¹²²

В заключение хотелось бы обратить внимание исследователей еще на один аспект изучения социально-политического строя Новгорода — сопоставление его институтов власти и социальных категорий с соответствующими институтами и категориями западноевропейских городов, таких, как Венеция, Флоренция, северогерманские города. Соответствующие аналогии приводятся в работах советских историков (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и др.), однако здесь необходим систематический сравнительный анализ и привлечение сил специалистов по западноевропейской медиевистике.

Хотелось бы думать, что выполнение перечисленных задач позволит вплотную приблизиться к созданию обобщающих работ по истории социально-политического строя Новгородской республики.

¹¹⁴ Алексеев Ю. Г. «Черные люди» Новгорода и Пскова, с. 272.

¹¹⁵ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города; Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в.; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической истории Новгорода...

¹¹⁶ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948; Тихомиров М. Н. Древнерусские города; Подвигина Н. Л. Очерки социально-экономической истории Новгорода...

¹¹⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953; Тихомиров М. Н. Древнерусские города; Пьянков А. П. Холопство на Руси до образования централизованного государства. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1965 г. М., 1970; Зимин А. А. Холопы на Руси. М., 1973, с. 258—265; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974.

¹¹⁸ Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л. Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.

¹¹⁹ Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.—Л., 1939, с. 195.

¹²⁰ Клейненберг И. Э. Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках. — История СССР, 1978, № 6.

¹²¹ Историографические обзоры, посвященные древнерусскому вечу, см. в кн.: Алексеев Ю. Г. Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980, с. 21—23; Фроянов И. Я. Киевская Русь, с. 150—155.

¹²² Рабинович М. Г. 1) О социальном составе новгородского войска X—XV вв. — Научные доклады высшей школы, 1960, № 3; 2) Софийская казна и оборона Новгородской земли. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963.